К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)

Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the context of connections and interactions within the Eurasian cultural space (new data and concepts)

I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)

ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT (NEW DATA AND CONCEPTS)

ББК 63.4

Организация конференции и издание материалов проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-20008

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы), В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева; В. В. Терёхина

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртveладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. H. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019

ISBN 978-5-907053-34-2

Among the rock carvings of Central Asia, including Saimaluu-Tash, there are a huge number of images made in the bi-triangular style, which, in particular, is typical for the images of animals harnessed to chariots. This style also has close analogies in the paintings of ceramic vessels originating from the monuments of ancient agricultural regions of the Near East and Central Asia (Turkmenistan, 4th — 3rd millennia BC). There is no consensus among the scholars about the dating of such rock carvings. The present author suggests to attribute the bi-triangular style to the 3rd — 2nd millennia BC, based on the analysis of materials of the Chust culture of Ferghana and analogies in the painting of the ceramic vessels.

МОДЕЛЬ ПАЛЬМИРСКОЙ СТЕЛЫ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Э. В. Ртвеладзе, В. Р. Цилицская
Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-215-218

Ключевые слова: *Средняя Азия, Туркестанский кружок любителей археологии, модель стелы, Пальмира, Восточное Средиземноморье.*

В экспозиции одного из залов Государственного музея истории Узбекистана (Ташкент) выставлен любопытный предмет шириной 13 см и высотой 12,5 см, выточенный из камня темного цвета и представляющий собой, вероятнее всего, уменьшенную модель стелы с рельефным парным изображением мужчины и женщины в момент прощания (инв. № 321/1) (рис. 1). Особый интерес представляет арамейская надпись на постаменте, расположенном под персонажами. Насколько нам известно, ни сам этот предмет, ни надпись на нем еще не были объектом специального исследования.

По данным хранителя археологических фондов В. Миносяна, данный артефакт поступил в собрание музея из Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА). В 1900 г. в Ташкенте была издана отдельная брошюра, посвященная описанию археологической и нумизматической коллекций как упомянутого музея (тогда — Народного музея Туркестана), так и ТКЛА (Остроумов, Аничков 1900). Однако в их составе исследуемый нами предмет не числится.

ТКЛА прекратил свое существование в 1918 г. Следовательно, наша модель поступила в музей между 1900 и 1918 гг. Также хорошо известно, что, за редчайшими исключениями (в число которых входит найденное вблизи Хотана в Восточном Туркестане глиняное изображение человеческого лица, переданное в музей П. А. Дьячковым, — см.: Остроумов, Аничков 1900: 25), археологическую коллекцию музея и ТКЛА составляли предметы, найденные в основном на территории Узбекистана, Киргизии и юга Казахстана. Это позволяет предполагать, что публикуемая находка была обнаружена где-то в Средней Азии, возможно, в Северной Бактрии или Согдиане, которые, наряду с Парфиеной и Маргианой, были тесно связаны торговыми путями с Восточным Средиземноморьем, Малой Азией и Закавказьем.

Публикуемый предмет представляет собой подквадратную с округлым верхом (аркой) плитку с барельефными поясными изображениями мужского (слева) и женского (справа) персонажей, сидящих в нише, обрамленной аркой, в креслах с округлой спинкой. Фигуры развернуты в три четверти и обращены друг к другу, соприкасаясь как бы в жесте «прощания». Мужской персонаж одет в халат (?) с рукавами, на голове круглая шапочка с шишаком, из-под которой ниспадают волосы. На женском персонаже одеяние в виде

накидки с капюшоном, увенчанным шаром. Под фигурами — прямоугольный постамент, по верхнему краю которого проходит полоса, состоящая из отдельных выпуклин.

В центре постамента помещена курсивная арамейская надпись в две строки. В первой строке имеется шесть букв, во второй — семь. Исходя из особенностей начертания арамейских букв, я предлагаю следующую транскрипцию надписи, хотя вероятны и другие варианты:

– znγ/hlbn
– nγ/hndγ/hnz

Возможно, надпись содержит имена мужского персонажа и его отца (в этом убеждает наличие слова BN — «сын» в конце первой строки надписи), а также имя женского персонажа. Наличие слова BN в конце первой строки, означающего в языках семитского происхождения слово «сын», позволяет считать, что это не согдийская надпись, за каковую ее можно было бы принять, учитывая близость начертания согдийских букв и букв в рассматриваемой надписи, а арамейская.

Отметим также, что как по форме, так и по композиции и особенностям изображения данный предмет весьма схож с надгробными памятниками Восточного Средиземноморья, особенно Пальмиры. Так, среди изображений на пальмирских стелах нередки парные изображения женских и мужских персонажей, помещенных, как и на вышеозначенном предмете, в нише под арочной рамой (см., например: Tanabe 1986: nos. 177, 181, 209–210). Также нередки на пальмирских надгробных рельефах и женские образы, представленные в одеянии в виде накидки (плаща?) с капюшоном. Надписи на пальмирских стелах чаще всего нанесены вверху, но имеются стелы, где таковые размещены внизу на основании рамы (Tanabe 1986: nos. 335–361).

Надгробные стелы с различного рода изображениями были широко распространены среди населения Восточного Средиземноморья и Малой Азии, а также среди римских легионеров (Голубцова 1977: 115–116, 168, 191 и сл.; Перевалов 2007: 9). Однако такого рода погребальные стелы совершенно не свойственны населению Средней Азии, погребальные сооружения и погребальные обряды которого эпохи античности хорошо изучены.

Рис. 1. Модель пальмирской стелы из собрания Государственного музея истории Узбекистана (Ташкент)

Таким образом, наличие арамейской надписи, сходство деталей надгробий и изображений позволяет предположить, что анализируемый предмет поступил в Среднюю Азию из Восточного Средиземноморья или, возможно, был изготовлен в одном из городов Средней Азии лицом арамейского происхождения, более того, возможно, выходцем из Пальмиры, подавляющее большинство населения которой составляли арамеи. Вероятнее всего, данный предмет представляет собой уменьшенную копию надгробной стелы пальмирского стиля, которая, возможно, предназначалась для установки в домашнем святилище или же для подношения в храм в качестве вотива.

Весьма важно, что в Маргиане найдены две пальмирские погребальные стелы с арамейскими надписями (Массон 1966; Masson 1967). На одной из них имеется горельефное изображение девочки в полный рост, в поле справа — надпись: «Байт, дочь Хайрана, потомка Тиймарцу. Увы». На другой — бюст мужчины и надпись: «Портрет Мезаббана, сына Борея, (сына) Ниха. Увы!» (о художественной значимости этих скульптур см.: Пугаченкова 1967: 53–55).

Эти плиты были выкопаны в 1959 г. в Векиль-Базаре, по-видимому, на месте бывшей усадьбы князя М. Алиханова-Аварского. Однако их открытие состоялось еще в конце XIX в., а прочтение арамейских надписей на них по фотографиям было осуществлено М. В. Никольским (1896) и уточнено П. К. Коковцовым (1908: 277). После отъезда начальника Мервского округа М. Алиханова-Аварского в Тифлис эти плиты были закопаны в его поместье, а затем вновь открыты в 1959 г., как это и показал М. Е. Массон на основе архивных и опросных данных (Массон 1966; Masson 1967). На основании находок этих стел Г. А. Кошеленко полагал, что в Мерве могла существовать торговая фактория пальмирских купцов (Кошеленко 1966: 76).

Особо следует отметить, что в одном из арамейских документов позднеахеменидского времени, происходящих с территории древней Бактрии, упоминается храм (иранск. bagina) Бела (Shaked 2004: 45), что свидетельствует о почитании там этого семитского божества. Культ Бела был широко распространен среди сирийцев и других западносемитских народов. Известно, что в Пальмире Бел был верховным божеством, возглавлявшим триаду богов (Бел, Йарихбол, Аглибол) (Мелетинский 1990: 92–93).

Литература

Голубцова Е. С. 1977. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III вв. М.

Коковцов П. К. 1908. К пальмирской археологии и эпиграфике // Известия Русского археологического института в Константинополе. София. Т. 13. С. 277–302.

Кошеленко Г. А. 1966. Культура Парфии. М.

Массон М. Е. 1966. Две пальмирские скульптурные стелы из Мервского оазиса // ИАН Туркменской ССР. Серия обществ. наук. Ашхабад. № 1. С. 55–62.

Мелетинский Е. М. (гл. ред.). 1990. Мифологический словарь. М.

Никольский М. В. 1896. Две новооткрытые пальмирские надписи // Древности восточные: М. С. 163–164 (Тр. Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 2/1).

Остроумов Н. П., Аничков И. В. (сост.). 1900. Описание археологической и нумизматической коллекций, принадлежащих Ташкентскому музею и Туркестанскому археологическому кружку / При участии студентов Императорского Санкт-Петербургского университета М. и А. Ульяновых и Н. Остроумова. Ташкент.

Перевалов С. М. 2007. Легионы кавказского лимеса // Вестник Владикавказского научного центра. Владикавказ. Т. 7/4. С. 2–12.

Пугаченкова Г. А. 1967. Искусство Туркменистана: Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.

Masson M. E. 1967. Two Palmyrene Stelae from the Merv Oasis // East and West. New Ser. Rome. Vol. 17/3–4. P. 239–247.

Shaked Sh. 2004. Le satrape de Bactriane et son gouverneur: Documents araméens du IVe s. avant notre ère provenant de Bactriane. Conférences données au Collège de France 14 et 21 mai 2003. Paris (Persika. 4).

Tanabe K. (ed.). 1986. Sculptures of Palmyra. Tokyo. I (Memories of the Ancient Orient Museum. Vol. I).

A PALMYRENE STELE MODEL FROM THE COLLECTION OF THE STATE MUSEUM OF THE HISTORY OF UZBEKISTAN

Edward V. Rtveladze, Violetta R. Tsilitsskaya
Fine Arts Research Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Keywords: *Central Asia, Turkestan Study Group of the Devotees of Archeology, stele model, Palmyra, Eastern Mediterranean.*

The exposition of the State Museum of History of Uzbekistan (Tashkent) exhibits a curious object, never published before, which is a slab (13 cm wide and 12,5 cm high) with a rounded top (arch), carved from a stone of dark colour. On it, there is the relief paired image of a man and a woman at the moment of parting. Of particular interest is an Aramaic inscription on the pedestal placed below the personages. This artifact entered the museum's collection from the Turkestan Study Group of the Devotees of Archeology between 1900 and 1918. It was discovered somewhere in Central Asia, possibly in Northern Bactria or in Sogdiana. Both in the form and composition and image features, this piece of funerary art is very similar to the tombstones of the Eastern Mediterranean, especially of Palmyra. The presence of the Aramaic inscription, the similarity of many details of the tombstones and images suggests that the analyzed object came to Central Asia from the West, or, possibly, was made in one of the cities of Central Asia by an Aramean who could be, moreover, an emigrant from Palmyra. Most likely, the object in question is a small copy of a Palmyrene-style tombstone stele, which may have been intended to be installed in a home sanctuary or to be brought as a votive offering to a temple.

АТРИБУТЫ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В СОГДИЙСКОЙ ЖИВОПИСИ V–VIII вв.[1]

В. И. Распопова
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-218-219

Ключевые слова: *Согдиана, V–VIII вв., Древний Пенджикент, живопись, атрибуты власти.*

Живопись V–VIII вв. показывает нам почти исключительно представителей высших слоев согдийского общества, включавших сословие знатных землевладельцев, известных арабо-персидским авторам под названием дехкан, и богатое купечество, а также жречество. Для представителей этих групп населения было важно зафиксировать свое положение в обществе, свое социальное лицо, что и нашло отражение в точности передачи художниками сословных атрибутов и места каждого персонажа в той или иной церемонии. Согдийские художники обычно изображали реально существовавшие вещи с большой точностью. Это показало сравнение изображений с вещами, найденными при раскопках.

Исследованы тронные залы во дворцах правителей в Варахше, Пенджикенте и Шахристане. При этом в отличие от подлинно царского династийного искусства Ирана в Средней Азии, например, в Пенджикенте в подобных композициях нет центральной фигуры царствующего государя. Во дворце Деваштича росписи боковых стен тронного зала, по-видимому, передавали события недавнего прошлого: осаду Самарканда арабами и коронацию царя (самого Деваштича в 718 г.?), однако, по своим композиционным принципам

[1] Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».